

§ ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Манойло А.В.

РОЛЬ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В ДЕМОНТАЖЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу проблем, связанных с демонтажем политических режимов в современных государствах (как авторитарного, так и демократического типа) и ролью в этом процессе технологий цветных революций. Проблемы демонтажа политических режимов и связанная с ними проблематика цветных революций в современных условиях приобретают чрезвычайную остроту и актуальность. Связано это не только с тем, что события в Украине при детальном рассмотрении в точности повторяют сценарий цветных революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке, получивших название «Арабской Весны», в частности — революции в Египте, что указывает на неслучайность данных событий. Причина в том, что на смену традиционным, привычным для мирового сообщества инструментам демонтажа приходит новое поколение более тонких инструментов, сочетающих силовые методы воздействия с технологиями манипулятивного управления массовым сознанием и массовым поведением широких масс гражданского населения, вовлекаемого в эти псевдостоихийные процессы.

Ключевые слова: национальная безопасность, внешняя политика, арабские революции, цветные революции, США, международные конфликты, государство, интересы, ценности, UN.

В мировой истории проблемы, связанные с демонтажем политических режимов, возникали всегда. Но прежде инструментами этого демонтажа выступали в основном силовые методы в их классическом понимании, применявшиеся в ходе вооруженных переворотов, локальных вооруженных конфликтов, гражданских войн и военных интервенций. И мировое сообщество сумело выработать действенные методы противодействия этой угрозе и создать эффективные механизмы политического регулирования этих процессов, в том числе на международном уровне: кто бы и как бы ни критиковал ООН, эта организация действует, и ее потенциал и возможности по управлению политической стабильностью и урегулированию международных конфликтов даже в условиях распада Вестфальской системы далеко не исчерпаны. Острота проблемы, связанная с угрозой вооруженных переворотов в различных странах мира, не перестает быть актуальной и не снимается с повестки дня, но в целом для мирового сообщества эта категория угроз является знакомой, и мировое сообщество знает, как на нее реагировать.

Вместе с тем, сегодня мир меняется, и на смену технологиям вооруженных переворотов приходят более тонкие технологии цветных революций, которые умело маскируются под истинные революционные движения и практически не встречают сопротивления со стороны как стран с вполне уже сложившейся демократией, так и государств восточного типа, сохранивших традиционный жизненный уклад. Повторение сценария цветных революций в Украине вызывает обоснованную тревогу, поскольку возникает и крепнет уверенность в том, что Украина — далеко не конечный пункт этого сценария, а разменная карта в той геополитической игре, в которой главный удар американских режиссеров цветных революций может быть направлен на Россию, Китай и Казахстан.

Причины возросшего внимания к цветным революциям кроются в том, что в течение последних трех лет в целом ряде государств, с вполне устойчивыми политическими режимами, произошли государственные перевороты, приведшие к полному или частичному демонтажу политических режимов, долгие годы успешно сопротивлявшихся с внешними

и внутренними врагами: так, египетский, тунисский, сирийский и ливийский режимы успешно противостояли исламу.

При этом в сценариях смены политических режимов в этих странах наблюдается поразительное сходство, в котором можно усмотреть многократное повторение одного и того же шаблона или организационной схемы, в которой угадываются общие черты так называемых бархатных революций, уничтоживших коммунистические режимы в странах восточной Европы после распада СССР.

Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным, поскольку вероятность точного совпадения сценариев смены политических режимов в странах, заметно различающихся и по уровню политической организации власти, и по уровню социально-экономического развития, и по спектру нерешенных проблем, сравнительно (если не сказать ничтожно) мала.

В этом плане Сирия и Ливия кардинально отличаются от Украины и Грузии, однако, несложно отметить, что революция 2014 года в Украине (получившая название евромайдана) в точности совпадает со сценарием революции Арабской Весны в Египте, вплоть до стиля поведения противоборствующих сторон.

Все это может свидетельствовать о том, что на примере различных стран и регионов мы имеем дело с одним и тем же явлением — результатом применения технологий цветных революций. Однако, несмотря на яркое брендовое название, ничего революционного в них нет.

Даже западные СМИ сегодня отмечают, что цветные революции, которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов¹.

В связи с этим стоит более подробно остановиться на самом определении цветной революции и связанном с ним терминологическим рядом.

Цветные революции — это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения.

Несмотря на существенные различия государств, в которых они вспыхивают, между собой (в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении), все они укладываются в одну и ту же организационную схему, предполагающую организацию по шаблону молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения.

Цель любой цветной революции — осуществление государственного переворота, то есть захват и удержание власти насильственным путем.

Объектом цветной революции выступают власть и властные отношения, предметом — политический режим.

У цветных революций есть необходимое и достаточное условия их успешной реализации.

Необходимое условие осуществления цветной революции — наличие политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти. Если политическая ситуация в стране стабильна, ее нужно искусственно дестабилизировать.

Достаточное условие — наличие специально организованного (по особой сетевой форме) молодежного протестного движения.

Отличительные черты цветных революций:

- В цветных революциях воздействие на власть осуществляется в особой форме — форме политического шантажа.
- Основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения — в отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, цветные революции — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Они отличаются почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной.

В основе технологического сценария цветной революции лежит англосаксонская (североамериканская) идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов

¹ Кара-Мурза С. Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко... М. 2005.

и ценностей в сопредельные страны². Технологии цветных революций на практике умеют применять только их авторы и разработчики — англосаксы. В любой стране, где начала разворачиваться цветная революция, следует искать североамериканский след.

В основе объяснения причин цветных революций лежат две версии: версия о стихийности и версия об инсценированности цветных революций (о случайности и неслучайности). Обе версии имеют право на существование и не являются бесспорными.

Сторонники стихийности цветных революций настаивают на том, что причиной революций являются объективные социальные противоречия, которые находят свое проявление в формах народных бунтов и массового протеста «угнетенного» населения. В качестве таких причин называют нищету, усталость от режимов, тягу к демократическим переменам, демографическую ситуацию. Между тем, при детальном рассмотрении социально-политической ситуации в практически любой стране, в которой произошла цветная революция, нередко выясняется, что существующие в ней противоречия и социальные разрывы, хотя и стали катализатором последующих событий, но не были их основной и единственной причиной. Так, в Египте до цветной революции существовали так называемые дотации на лепешки, обеспечивающие доступность основного продукта — хлебных лепешек — для беднейших слоев населения, а в трущобах Каира на крыше каждой хижины можно увидеть тарелку спутникового телевидения; в Ливии граждане страны получали природную ренту (и массу других выплат), которая была настолько велика, что население совсем перестало работать и возложило обязанность трудиться на приезжих гастарбайтеров из того же Египта и др. африканских стран; уровень жизни в Тунисе — самом демократическом из всех авторитарных стран Африки — вплотную приближался к Южной Франции (Провансу и Лангедоку), а Южную Италию даже превосходил; одной из причин всплеска протестных движений в Сирии стало то, что Асад решил (без какого-либо давления) смягчить авторитарность режима и начал проводить либеральные преобразования, которыми тут же воспользовались исламисты и их покровители из США, и т.д.

² Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism. // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol 39. №3. pp. 305–329.

Сторонники инсценированности цветных революций указывают на многократную повторяемость сценария (демократического шаблона) этих революций в различных странах мира, очень сильно различающихся как по особенностям государственного строя, так и по характеру социально-политических проблем. Они утверждают, что все цветные революции сделаны «под копирку», а вероятность повторения одного и того же события по одной и той же схеме в природе ничтожно мала. На основании этих выводов сторонники инсценированности цветных революций указывают на ряд признаков, по которым в любом внешне стихийном народном бунте можно установить цветную революцию.

У каждой цветной революции есть свои признаки, которые выдают в ней технологию.

Во-первых, это особый внешнеполитический почерк англосаксов, их отличительный стиль работы.

Во-вторых, это строгое соответствие плана любой революции базовому шаблону (или сценарию) — все цветные революции развиваются по одному и тому же сценарию, использующего одну шаблонную схему.

В-третьих, это то, каким образом организуется и как используется молодежное протестное движение, которым управляют с помощью технологий рефлексивного управления (которые также являются американским изобретением).

В-четвертых, есть определенные повторяющиеся особенности в подборе и выдвижении революционных лидеров.

В-пятых, в некоторых цветных революциях на чистоту отсутствует революционная идеология, что позволяет распознать в них подделку. Связано это с тем, что американцы — авторы цветных революций — не всегда понимают менталитет и психологию народа, которым они хотят принести «ценности истинной демократии», и не могут предложить им идеологию, которая будет органично принята всеми слоями общества.

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы», понимаемой в том ракурсе, который дал для этого термина Дж. Най³. Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — это несилловые технологии смены политических режимов), не совсем точен и часто вводит в заблуждение, за-

³ Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.

ставляя считать цветные революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым разворачивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. На наш взгляд, трудно определить, что на самом деле является более опасным явлением для международной безопасности в целом: цветные революции или локальные вооруженные конфликты, и современный Ближний Восток, погруженный цветными революциями в «управляемый» хаос, является полным тому подтверждением. Все же, представляется довольно очевидным, что современные цветные революции по своей природе — это не форма проявления «мягкой силы». Цветные революции — это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции.

Цветные революции — не мягкая сила; это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, являются технологии цветных революций.

Отдельное внимание заслуживают вопросы, связанные с опасностью перерастания цветной революции в гражданскую войну или международный конфликт, протекающий в фазе вооруженного противостояния. Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Военная сила для цветных революций не является основным инструментом, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Тем не менее, нельзя не обратить внимание на тот факт, что современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе цветной революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых погромов и — реже — физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, цветная революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии, и возможно будет в Сирии.

Модель цветной революции состоит из пяти основных этапов, или фаз:

1. Любая цветная революция начинается с формирования в стране организованного протестного движения — основной движущей силы будущей цветной революции.

На первоначальном этапе, до открытого выступления, протестное движение формируется в виде сети, состоящей из конспиративных ячеек, каждая из которых состоит из лидера и трех-четырех состоящих у него на связи активистов. Такие сети объединяют тысячи активистов, составляющих ядро будущего протестного движения. Многие из них перед тем, как стать лидерами ячеек, проходят обучение в специальных центрах, специализирующихся на вопросах содействия демократизации.

Рекрутируют активистов из молодежной среды, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами.

Сетевой принцип организации протестного движения напоминает принцип организации глобальных террористических сетей — по сути, это одна организационная технология.

2. Из подполья эта сеть выходит на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу, который носит название инцидента. Таким инцидентом может стать любое событие, шокирующее общество и получившее мощный общественный резонанс. Как правило, его инициируют специально.

В революциях в Сербии (бульдозерная революция 2000), в Украине (2004) и в Грузии (2004) таким инцидентом стали результаты выборов, которые были объявлены сфальсифицированными. Революция в Тунисе (2010) — стране с авторитарным режимом — началась с самосожжения торговца на

одной из центральных площадей столицы: событие, само по себе, ничтожное в масштабах страны.

Очень важно, чтобы инцидент привлек внимание всего общества и стал предметом широкого обсуждения, интерпретации, нарастания всеобщего возбуждения и инициирования стихийных форм массового поведения.

3. После того, как инцидент произошел, протестная сеть выходит из подполья на улицы, где группы активистов из ячеек становятся катализатором стихийных массовых процессов, вовлекающих в этот процесс все большие слои населения.

Включаются механизмы конфликтной мобилизации, одним из которых являются «твиттерные революции» — вовлечение через социальные сети.

Ячейки начинают быстро обрастать гражданами, вовлекаемыми в стихийное протестное движение, принять участие в котором их толкает в основном страх за свое будущее. Общая тревожность настроений ведет к тому, что сознание людей переходит в так называемое пограничное состояние и становится подверженным массовым паническим реакциям, всеобщей истерии, часто проявляющихся на уровне рефлексов и инстинктов. С этого момента остается только один шаг от превращения протестных масс из сообщества протестующих в толпу.

4. Следующий шаг в схеме цветной революции — формирование политической толпы. Для этого выбирается достаточно большая площадь (майdan), где могли бы разместиться значительные массы народа.

Активисты ведут свой протестный электорат на такой майdan, где в ходе многочасового митинга происходит полное слияние участников в единую массу, известную в психологии как толпа. Происходит полное эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации свой-чужой начинает использоваться яркая «революционная» опознавательная символика.

В этих условиях на толпу воздействуют с помощью технологий воздействия ан подсознание, внедряя новые ценности и императивы, перепрограммируя человека. Именно такие технологии применяются в протестантских тоталитарных сектах.

Создаются условия для поддержания устойчивого существования и функционирования толпы — материальное обеспечение, палатки, горячее питание, одежда, деньги активистам, средства нападения (арматура, ...) и т.д. Действует хорошо организованная «служба тыла».

5. От имени толпы к власти выдвигаются ультимативные требования, под угрозой массовых беспорядков и — реже — физического уничтожения. В том случае, если власть не выдерживает этого напора, стихия ее сметает. Если власть принимает вызов и выражает готовность сопротивляться, толпа становится основным таранным фактором удара, который наносят по власти авторы цветной революции. В дальнейшем такая революция неизбежно перерастает в мятеж, а в некоторых случаях — в гражданскую войну, сопровождающуюся военной интервенцией.

Эволюция организационных схем и шаблонов цветных революций довольно хорошо прослеживается на примере революций Арабской весны. Так, в революциях Арабской весны есть свои особенности, отличающие их структурно и технологически от своих предшественников — цветных революций в Центральной Азии, Украине, Грузии и даже от т.н. «зеленой революции» в Иране 2009 года: к классической схеме реализации цветной революции (то есть государственного переворота) здесь добавлены механизмы обратной связи (итерационный механизм, хорошо известный математикам) и «управляемого хаоса», позволяющие управлять политической нестабильностью не только в рамках отдельно взятой, сравнительно небольшой страны (такой как Украина или Грузия), но и в масштабах целого региона (Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной Азии и т.д.).

Механизм обратной связи — это специальный механизм коррекции, позволяющий в режиме реального времени выявлять и оперативно устранять недочеты в реализации схем цветных революций, модифицируя их под конкретные условия конкретной социокультурной среды. Именно такой механизм был впервые отработан в революциях Арабской весны, в которых государственные перевороты в странах, ставших жертвами волны «принудительной демократизации», осуществлялись не одновременно, а последовательно, по цепочке; причем в каждой последующей схеме реализации цветной революции учитывались ошибки, допущенные при реализации предыдущей схемы. Внедрение в технологические схемы цветных революций механизмов обратной связи, основанных на итерационных схемах, — это прямой результат их эволюционного развития, позволяющий погружать в революционные процессы уже не отдельные страны, а целые регионы.

Механизм «управляемого хаоса» — это еще один эволюционный прорыв в технологиях цветных

революций, который позволяет применять «демократические схемы и шаблоны», разработанные изначально для общества западного (индивидуалистического) типа, в условиях традиционных восточных обществ, в своем исходном виде невосприимчивых к пропаганде демократических и либеральных ценностей. Для того чтобы западные, англосаксонские, технологии цветных революций заработали в такого рода социально-культурной среде, необходимо предварительно разрушить традиционную структуру общественного уклада, что и делают (и весьма успешно) технологии «управляемого хаоса». Основная цель применения этих технологий — подготовить традиционное общество к применению технологий управления массовым политическим сознанием и массовым политическим поведением, что достигается с помощью его «атомизации», разрыва связей между отдельными личностями и общиной, внедрения в сознание граждан суррогатного индивидуализма западного типа.

Современные события в Украине (2013-14 гг.) также имеют отношение к цветным революциям — они в точности повторяют Египетский сценарий; следовательно, можно ожидать, что цветная революция в Украине также открывает дорогу к иностранной интервенции, как это было в Ливии и, возможно, будет в Сирии.

В событиях в Украине угадываются признаки, хорошо знакомые по цветным революциям в СНГ, в Грузии, в Центральной Азии, в «оранжевом» безумии, охватившем Украину в 2000-х гг., а также в недавних революциях «Арабской Весны».

Сравнимая украинскую цветную революцию 2.0 с недавними событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, нельзя не отметить, что сценарий украинской революции 2014 года в точности повторяет революцию в Египте, в ходе которой был уничтожен режим Х. Мубарака, а сам египетский президент смещен со своей должности и заключен в тюрьму. Совпадений слишком много:

- это и характер народных волнений, переросших в массовые беспорядки, которые выдавались за стихийные, но на самом деле таковыми не являлись;
- и хорошо организованное протестное движение, подкрепленное военизированными формированиями боевиков — украинских националистов, переброшенных в Киев из западных областей Украины, где они все эти годы тренировали свое боевое умение в специальных лагерях, изучая тактику сопротивления спецформированиям

МВД и СБУ, а также тактику войны в городских условиях;

- блокада органов власти, захват стратегических и жизненно важных объектов столичной инфраструктуры;
- использование механизмов конфликтной мобилизации населения, вовлечение его в конфликт на стороне «представителей восставшего народа», разжигание ненависти к правящему режиму, широкая идеологическая обработка попавших под влияние радикалов;
- масштабная информационная война;
- грамотно организованное снабжение восставших всем необходимым для продолжения борьбы, включая спецсредства, одежду, питание, финансовые средства, идущие на оплату услуг наемников и провокаторов.

Этим сходства египетской и украинской революции не исчерпываются: и в том и в другом случае под прикрытием восставшего народа в вооруженную борьбу включаются организованные и хорошо вооруженные отряды мятежников, в Египте — исламисты, в Украине — западные националисты. При этом общественности эта борьба, имеющая все признаки начала гражданской войны, по-прежнему преподносится как «национально-освободительное движение, развернутое восставшим народом против преступного правящего режима».

И в том, и в другом случае «восставшему народу» противостояла слабая, нерешительная и коррумпированная власть, которая боится предпринимать решительные меры, медлит перед лицом выбора, мечется между недавними союзниками, которые в новых условиях стремятся от нее дистанцироваться, делает противоречивые заявления, демонстрируя свою беспомощность и дискредитируя тем самым себе едва ли не более эффективно, чем это пытаются сделать ее противники. Именно так вел себя Мубарак: он до последнего момента верил, что США придут ему на помощь и спасут его от разыгранного ими же спектакля цветной революции, надеялся, что это всего лишь воспитательная мера. Однако его надежды не оправдались, как не оправдались и ожидания Януковича, что почти европейская Украина — это не дикий Египет, украинцы — не безграмотные арабы, все само собой уладится.

Янукович несколько лет спустя в точности повторил поведение Мубарака: несмотря на явную угрозу со стороны разрастающегося мятежа, который начинался с пустяковых по сути волнений на т.н.

майдане, он ничего не сделал для того, чтобы пресечь этот переворот. Вместо того, чтобы жёсткими, но справедливыми мерами навести порядок (так, как это сделал с «васильковой революцией» Лукашенко), Янукович затеял непонятную политическую игру, заигрывая то с Западом (Евросоюзом и США), то с Россией, надеясь на фоне «предназначенной ему великой роли сдерживания хаоса» в Украине получить очередные финансовые транши и от тех, и от других. Эта слабость Януковича и стала причиной того, что сначала он потерял поддержку своего электората, а затем от него отвернулись и сторонники, начавшие стремительно разбегаться или просто перебежать в лагерь противника. В этих критических условиях Янукович все-таки отдал приказ о силовом подавлении майдана, но до конца его выполнить у него не хватило воли: с того момента, как мятежники подтянули на майдан незаконные вооруженные формирования националистов и стали формировать из основной массы протестующих отряды «самообороны», подавление мятежа стало возможным только ценой большой крови. На это Янукович не решился, опасаясь при этом не столько за загубленные жизни, сколько за сохранность своих капиталов и счетов в зарубежных банках, которых его в одночасье могли лишить, признав «международным уголовным преступником». Его заигрывания с Евросоюзом также сыграли фатальную роль: ЕС сначала настаивал на том, чтобы Янукович решительно подавлял беспорядки в столице, восстанавливая законность, а когда он, наконец, начал это делать и пошли первые жертвы, ЕС тут же начал заявлять о несоблюдении прав человека и о геноциде режимом Януковича собственного народа, а также о необходимости срочно пойти на уступки мятежникам и вступить с ними в переговоры. Когда Янукович, следуя этой рекомендации, пошел на переговоры с мятежниками, они сочли это признанием в слабости власти и резко активизировали свои действия, вступив в фазу непримиримой вооруженной борьбы. В результате Янукович и его команда, вместо того, чтобы продолжать борьбу или отвечать за свои действия, просто бежали из Киева.

Различия между Египтом и Украиной на самом деле невелики: в Египте на площади Каира вышли арабы, в Киеве — украинские националисты и просто граждане, недовольные засильем донецкого клана. И в том, и в другом случае катализатором цветной революции стала «усталость от власти» — от режима Мубарака и от режима Януковича. К этому и пытаются апеллировать националисты, забывая о

той очевидной аналогии, которая прослеживается между украинскими и египетскими сценариями. В аналогичных революциях в Сирии и Ливии против правящего режима выступили исламисты, с которыми эти режимы на протяжении десятилетий вели непримиримую борьбу; в Украине в составе националистов много католиков, грекокатоликов и адептов многочисленных протестантских сект, в основном носящих тоталитарный характер и проповедующих экстремизм. И в том, и в другом случае успех переворота стал возможным только благодаря слабости и бесконечным колебаниям правящего режима, первоначально чрезвычайно самоуверенного, а затем быстро павшего духом и самим своим примером давшего сигнал своим сторонникам «спасаться, кто как может». В Египте после переворота к власти пришли умеренные исламисты, в Украине власть захватили крайние националисты, что примерно одно и то же.

В течение всего времени, пока по Северной Африке и Ближнему Востоку неслось цунами цветных революций Арабской весны и внимание мировой общественности было приковано к трагедии Ливии и Сирии, в России не переставали спорить, куда повернет эта волна цветных революций, когда будет сметен последний бастион — режим Башара Асада. То, что новые технологии реализации цветных революций, основанные на управляемом хаосе, пройдя обкатку на арабском Востоке, этим самым Востоком не ограничатся — это было для всех более-менее очевидно. Возник вопрос: для какой же страны готовится эта мясорубка? Для Ирана, где в 2009-м году почти достигла своей цели т.н. «зеленая революция»?

В качестве следующих целей цветных революций назывались государства Центральной Азии, где предыдущая модель цветных революций не смогла обеспечить стабильности марионеточных режимов, пришедших на волне цветной революции к власти; вспоминали про Беларусь, которая своей партизанщиной давно уже является сильным раздражителем для всего Запада, чем-то напоминая режим Каддафи; кое-кто упоминал Китай. Вместе с тем, волна цветных революций не продолжила форматировать мусульманский Восток, а неожиданно проявилась в Украине — непосредственно у границ России. Отсюда следует очевидный вывод: цель новой волны цветных революций — не Украина и не режим Януковича, а Россия, ее суверенитет, территорияльная целостность.

России, опираясь на украинский опыт, необходимо готовиться к тому, что она станет следующей в перечне

мишеней англосаксонских цветных революций, обкатанных как в условиях традиционных обществ восточного типа, так и в условиях сверхцентрализованного государства, построенного по принципу «вертикали власти» и не имеющего подушки безопасности в виде гражданского общества. Стране необходима государственная концепция по противодействию цветным революциям, как в России, так и в целом на пространстве СНГ, подкрепленная дорожной картой ее реализации. Наивно надеяться, что и на этот раз волна цветных революций обойдет Россию стороной — в политике чудес и исключений не бывает. Просто американцы долго искали подходы к России, основываясь на опыте пробной цветной революции — т.н. «революции белых ленточек» — и, наконец, такой подход нашли. Украина — это не что иное, как последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью.

Существует система мер, которая помогает уменьшить риски возникновения цветных революций. Она включает в себя три группы.

Первая группа мер направлена на выявление и перекрытие финансовых потоков, идущих на финансирование протестного движения.

Вторая группа мер направлена на вовлечение социальной базы протестного движения — молодежи в возрасте от 18 до 35 лет — в деятельность общественных организаций проправительственной направленности.

Третья группа мер — создание в обществе «клапанов по выпуску пара», сброса напряженности, не позволяющих обществу «перегреться» наподобие

парового котла и затем выплескивать накопившуюся энергию в виде социального взрыва.

Интересно, что в последних работах западных авторов (в том числе британских и французских) появляются оценки цветных революций, идущие в разрез с навязываемыми Соединенными Штатами представлениями о цветных революциях как инструментах демократизации и формирования демократического мира. Так, некоторые ученые начинают — пока еще довольно осторожно — утверждать, что ни одна из цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке не принесла процветание христианскому миру: напротив, Арабская весна всколыхнула и заставила выйти из глубокого подполья наиболее опасные, экстремистски настроенные силы, представляющие исламизм, с которыми теперь западным странам приходится иметь дело уже на официальном уровне. Арабская весна, начавшаяся под лозунгами демократизации арабского Востока, ускорила процесс отступления христианство под натиском радикального ислама, который с началом цветных революций Арабской весны многократно усилилась. Арабская весна, сделанная на деньги и с помощью американских и западноевропейских союзников, стала для Западной христианской цивилизации, и без того уже переживающей острый кризис, началом «Христианской зимы»⁴. Западное христианство сдало еще один рубеж обороны. Это заставляет серьезно задуматься о том, какую роль сегодня на самом деле играют цветные революции в мировой политике и в формировании нового миропорядка, и каким он будет, этот новый миропорядок, если волну цветных революций вовремя не остановить.

Библиография:

1. Кара-Мурза С. Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко... М. 2005.
2. Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004.
3. Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patrimonial presidentialism. // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. Vol 39. №3. pp. 305–329.
4. Filiu J.-P. *The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising*. / London: Hurst & Co. 2011. 195 p.
5. Манойло А.В. Стратегии «управляемого хаоса» в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // *NB: Международные отношения*. — 2014. — 1. — С. 1–3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
6. Борисенков А.А. Политическая власть — политическая субстанция // *NB: Проблемы общества и политики*. — 2013. — 6. — С. 193–217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html

⁴ Filiu J.-P. *The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising*. / London: Hurst & Co. 2011. 195 p.

7. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира // Национальная безопасность / nota bene. — 2013. — 5. — С. 149–155. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.5.9394.
8. Карякин В.В. Цивилизационная антропология американского экспансионизма: от доктрины Монро к глобальному лидерству // Международные отношения. — 2013. — 4. — С. 487–468. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9722.
9. Бородин Е.Н. Причины и следствия государственного переворота на Украине // NB: Международные отношения. — 2014. — 3. — С. 36–59. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
10. Манойло А.В. О противодействии распространению идеологии «цветных революций» в университетской студенческой среде // Международные отношения. — 2013. — 4. — С. 420–423. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9755.
11. С. С. Станчик. Роль и место народных масс в «цветных революциях». // Политика и Общество. — 2012. — № 9. — С. 14–20.
12. Д. Б. Фролов, В. В. Прохвятилов, Н. В. Беляков. New media и Арабская весна. // Международные отношения. — 2012. — № 1. — С. 60–67.
13. А.В. Манойло. «Зеленая революция» в Иране: практика применения западных технологий цветных революций в исламском мире. // Национальная безопасность / nota bene. — 2009. — № 5.

References:

1. Kara-Murza S. Eksport revoljutsii: Saakashvili, Yushchenko... М. 2005.
2. Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.
3. Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism. // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol 39. №3. pp. 305–329.
4. Filiu J.-P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising. / London: Hurst & Co. 2011. 195 p.
5. Manoilo A.V. Strategii «upravlyaemogo khaosa» v usloviyakh khaotizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2014. — 1. — С. 1–3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
6. Borisenkov A.A. Politicheskaya vlast' — politicheskaya substantsiya // NB: Problemy obshchestva i politiki. — 2013. — 6. — С. 193–217. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.806. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_806.html
7. Manoilo A.V. Geopoliticheskaya kartina sovremennogo mira // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. — 2013. — 5. — С. 149–155. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.5.9394.
8. Karyakin V.V. Tsivilizatsionnaya antropologiya amerikanskogo ekspansionizma: ot doktriny Monro k global'nomu liderstvu // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2013. — 4. — С. 487–468. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9722.
9. Borodinov E.N. Prichiny i sledstviya gosudarstvennogo perevorota na Ukraine // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2014. — 3. — С. 36–59. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.3.11501. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11501.html
10. Manoilo A.V. O protivodeistvii rasprostraneniyu ideologii «tsvetnykh revoljutsii» v universitetskoj studencheskoj srede // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2013. — 4. — С. 420–423. DOI: 10.7256/2305-560X.2013.4.9755.
11. S. S. Stanchik. Rol' i mesto narodnykh mass v «tsvetnykh revoljutsiyakh». // Politika i Obshchestvo. — 2012. — № 9. — С. 14–20.
12. D. B. Frolov, V. V. Prokhvatilov, N. V. Belyakov. New media i Arabskaya vesna. // Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2012. — № 1. — С. 60–67.
13. A.V. Manoilo. «Zelenaya revoljutsiya» v Irane: praktika primeneniya zapadnykh tekhnologii tsvetnykh revoljutsii v islamskom mire. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. — 2009. — № 5.